

УДК

Трифонов Н.А.

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

**ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ДЛЯ РОССИИ НОРМ
(РЕЛИГИОЗНЫХ, НАЦИОНАЛЬНЫХ, СОЦИАЛЬНЫХ)
НА РЕАЛИЗАЦИЮ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ
ПРАВОСОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ (В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙ
ДЕКАБРЯ 2010 г. НА МАНЕЖНОЙ ПЛОЩАДИ)**

N. Trifonov

Moscow State University

**THE PROBLEM OF INFLUENCE OF TRADITIONAL RUSSIAN NORMS
(RELIGIOUS, NATIONAL, SOCIAL) ON THE YOUTH'S CONSCIOUSNESS
OF LAW (IN THE CONTEXT OF EVENTS IN DECEMBER 2010
AT THE MANEZHNAYA SQUARE)**

Аннотация. В статье представлены полученные эмпирические данные о влиянии на мировоззренческую функцию правосознания молодёжи традиционных для России религиозных, национальных и социальных норм, с точки зрения интенсивности этого влияния, а также наличия или отсутствия в нём искажений и противоречий. Проверена справедливость предположения, что попытки одновременного следования этим нормам приводят к противоречивым требованиям к поведению в регулятивной функции правосознания.

Ключевые слова: правосознание, молодёжь, опрос, противоречия, поведение, аксиология, гендер, психология, аналитика, психоаналитика, легитимность, право.

Abstract. The article treats the problem of influence of traditional Russian norms (religious, national and social) on the youth's outlook and their consciousness of law in the aspect of intensity of this influence as well as the presence or absence of any contradictions in it. The author presents a vast empirical material and proves the thesis that a try to follow all these norms simultaneously leads to certain contradictions in the behaviour and in comprehension of the regulating function of consciousness of law.

Key words: sense of justice, youth, survey, contradictions, behavior, axiology, gender, psychology, analytics, psychoanalytics, legitimacy, law.

Опрос проводился с целью проверки выдвинутой нами гипотезы о том, что такие феномены, как многолетняя пассивность и внезапное выступление российской молодёжи на Манежной площади 11 декабря 2010 г. вызваны не столько отсутствием, сколько искажённым восприятием источников естественного права посредством мировоззренческой функции правосознания молодёжи. Данная гипотеза была обоснована нами прежде [9]. При определении понятия «правосознание» учитывается справочный материал энциклопедии «Социология» [6], согласно которому правосознание – это одна из форм общественного сознания, представляющая собой совокупность взглядов, идей, выражающих отношение индивидов и социальных групп к праву.

Поскольку в научной литературе и нормативных актах имеется целый ряд дефиниций слова *молодёжь*, находящихся в противоречии друг с другом, для целей настоящего исследования выбрано определение «*молодёжи*», предложенное «Стратегией государственной молодёжной политики в Российской Федерации» [7], согласно которому к категории молодёжи в РФ относятся граждане РФ от 14 до 30 лет.

В проведённом социологическом опросе приняло участие 534 человека. По графам «возраст» и «национальность» отобрано 475 лиц мужского и женского полов, принадлежащих к коренным народам России, в возрастной группе от 14 до 30 лет [1], то есть диапазон учитываемых в исследовании возрастов респондентов составил 16 лет. Мужчины составили 78,5% (373 человека), а женщины – 21,5% респондентов (102 человека). Средний возраст аудитории составил 22,7 года, причём средний возраст мужчин составил также 22,7 года, а женщин – 22,6 года.

Коэффициент асимметрии (т. е. мера отклонения распределения частоты от симметричного распределения), составил -0,229, а стандартная ошибка асимметрии составила 0,112. Коэффициент вариации составил -1,068, а его стандартная ошибка – 0,224. Это свидетельствует в пользу предположения, что возрастная выборка произведена из нормально распределённой генеральной совокупности потенциальных респондентов. Это предположение подтверждается и результатами теста Колмогорова-Смирнова (с коррекцией значимости по Лиллифору) ($0,115 \gg 0,05$) и теста Шапиро-Уилкса ($0,953 \gg 0,05$), проведённого программой SPSS в автоматическом режиме.

Согласно замыслу проведения опроса методом семантического дифференциала, в нём присутствуют семь интервальных шкал, характеризующих оценки поступка в стимульном материале по основным видам традиционных норм: эстетическим (1-я), гуманитарным (2-я), культурным (3-я), религиозным (5-я), национальным (7-я), социальным (8-я), нравственным (9-я), – отобранных по результатам экспертного обсуждения. Средние модули разности по нормативным шкалам, найденные по формулам вида:

$$R_{XY} = \frac{\sum_{j=1}^Q \sum_{i=1}^N |A_{Xj}^{ij} - A_{Yj}^{ij}|}{NQ},$$

где: Q – общее число вопросов, N – общее число респондентов, X и Y – номера шкал, между которыми вычисляется коэффициент,

A_{Xj}^{ij} – ответ i-го респондента на j-й вопрос по шкале X (аналогично для Y), для наглядности мы объединили в таблицу:

Таблица 1

Коэффициенты разрыва

Шкалы	Эстетическая	Гуманитарная	Культурная	Религиозная	Национальная	Социальная
Гуманитарная	0,93					
Культурная	0,94	1,06				
Религиозная	1,30	1,47	1,54			
Национальная	0,90	1,13	0,88	1,51		
Социальная	0,93	1,06	1,13	1,72	0,86	
Нравственная	1,46	1,52	1,52	1,46	1,57	1,72

Диапазон коэффициентов разрыва составил 0,86 балла. Минимальным, равным 0,86 балла, оказался коэффициент разрыва между оценками поступка по национальной и социальной шкалам («патриотично» и «справедливо»). Максимальных 1,72 баллов достигли коэффициенты разрыва между нравственной и социальной («по любви» и «справедливо»), а также между религиозной и социальной шкалами («по-христиански» и «справедливо»).

Ценностные шкалы, вызывающие наибольшее (наименьшее) количество противоречий, определяются для каждой шкалы средним коэффициентом разрыва со всеми остальными по формуле:

$$\bar{R}_x = \sum_{Y \in \{1,2,3,5,7,8,9\} Y \neq X} R_{XY}$$

Полученные результаты по убыванию представлены в гистограмме (рис. 1).

Шкалы «любовь» и «христианство» являются источником существенно более сильных противоречий, чем все остальные. Со значительным отрывом идёт пара шкал «справедливость» и «человечность», затем сразу же «русскость» и «патриотизм», и меньше всего, снова с возросшим отрывом противоречий, – шкала «красота». Это позволяет с

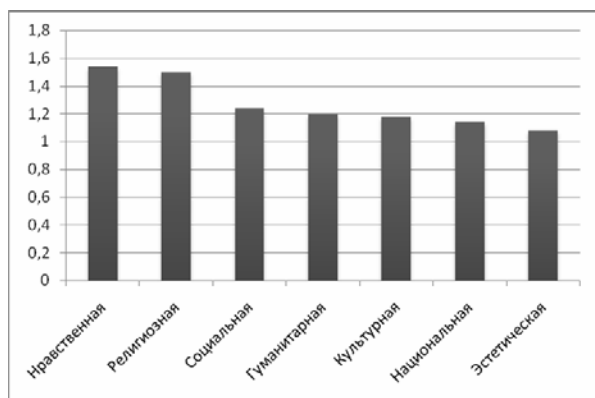

Рис. 1. Средние коэффициенты разрыва по ценностным шкалам

осторожностью предположить, что оценки поступков по нравственной и религиозной шкалам являются более автономными, то есть не зависящими от других шкал, а оценки по названной нами условно «эстетической» шкале «мерзко – красиво» носят ведомый характер, то есть молодые люди определяют моральную красоту поступка в зависимости от его большего или меньшего соответствия ценностям других шкал. Этот результат согласуется с положениями И.А. Ильина о духовных корнях правосознания, черпающего представление о «естественном праве» из религиозных и нравственных источников [3].

Для введения общей характеристики межнормативных противоречий добавим обобщённый коэффициент разрыва по формуле квадратного корня из суммы квадратов средних коэффициентов разрыва по шкалам:

$$R = \sqrt{\sum \bar{R}_X^2}$$

Этот параметр изменяется от 0 до 20,78 со средним значением 8,081 и медианой 7,874, стандартным отклонением 5,377 и дисперсией 28,912. Построив гистограмму, мы видим большую группу случаев с нулевыми значениями R (а значит – и всех коэффициентов разрыва) – 18,2% ответов, а также группа случаев с различными ненулевыми значениями коэффициентов разрыва, подчиняющихся распределению, весьма сходному с нормальным (рис. 2).

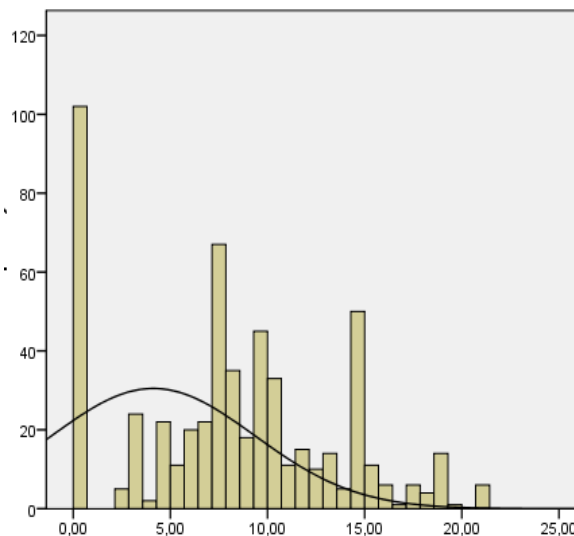

Рис. 2. Распределение коэффициентов разрыва

Построив гистограмму (рис. 3) среднего R по каждому вопросу отдельно, что разные вопросы генерировали противоречия, в среднем, весьма разной интенсивности.

Характеризующийся наибольшим R вопрос № 2 (про непреднамеренное убийство) вызвал вдвое больше противоречий в своей оценке, чем соответствующий минимальному R вопрос № 4 (про разгон демонстрантов). По конфликтогенности вопросы можно разделить на четыре группы с довольно чётко выраженными границами, причём средние группы имеют не столь выраженную границу между собой, как с крайними. Количество вопросов, попавших в средние и крайние группы, соответствует в целом картине нормального распределения R по вопросам.

1. Порождающие наибольшие противоречия: вопросы №№ 2, 9, 16.
2. Порождающие сильные противоречия: вопросы №№ 1, 3, 8, 10, 12.
3. Порождающие умеренные противоречия: вопросы №№ 5, 6, 11, 13, 14.
4. Порождающие наименьшие противоречия: вопросы №№ 4, 7, 15.

Наиболее противоречивыми были оценки по ценностным шкалам поведения человека в ситуациях принятия решения по поводу расправы над личным или социальным вра-

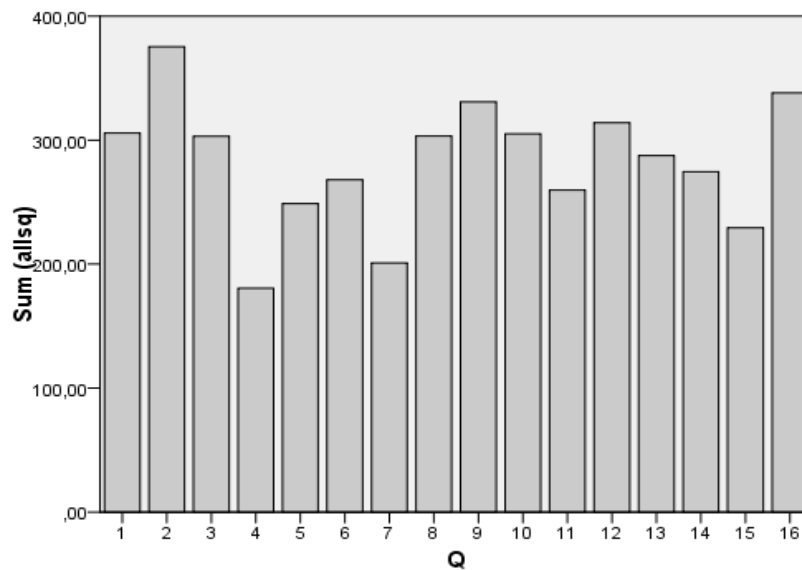

Рис. 3. Сравнение обобщенных коэффициентов разрыва по каждому вопросу. На оси абсцисс расположены номера вопросов, на оси ординат – значения обобщенных коэффициентов разрыва

гом. Сильные противоречия наблюдались при оценке поведения человека в ситуациях, в которых человек, отчаявшийся в решении своей проблемы в рамках существующей правовой системы, находит выход вне рамок правового поля. Умеренные противоречия были порождены вопросами, затрагивающими темы патриотизма, национализма и политики. Наименее противоречивыми были оценки поведения людей в ситуациях, связанных с проявлениями бытовой корысти, наносящей прямой или косвенный ущерб обществу, которую респонденты почти единогласно осудили по всем шкалам.

Необходимостью оценки уровня и знака порождаемого противоречиями психического напряжения обосновывается введение параметра P :

$$P^{ij} = \frac{A_6^{ij} \times (A_4^{ij} + 3)}{18} \times 100\% .$$

Формула для вычисления этого параметра составлена нами таким образом, чтобы давать 0 при спокойствии, +100 % при бурной радости и -100 % при глубоком страдании на основании ответов респондента по 4 и 6 шкалам. Гистограмма средних значений P по

каждому вопросу (рис. 4) несёт ценную информацию как сама по себе, так и в сопоставлении с предыдущей (см. рис. 3).

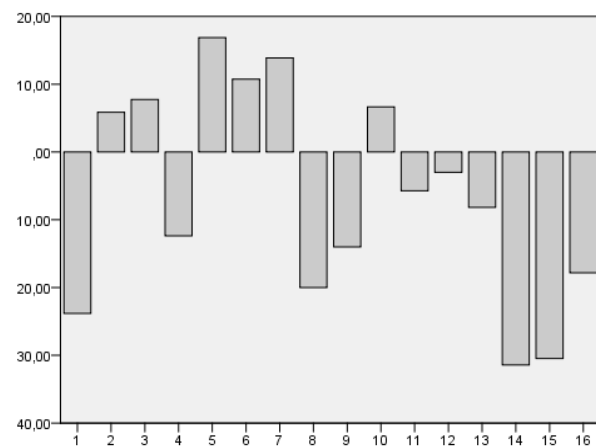

Рис. 4. Гистограмма средних значений P по каждому вопросу

Наибольшей радостью в среднем характеризуются вопросы 3, 5, 6, 7, связанные с подпольной деятельностью, подпадающей под действие различных статей УК: разжигание национальной, социальной и религиозной розни, незаконное предпринимательство и самосуд. Умеренной печалью характеризуются ситуации 4, 11, 12, 13, связанные с принесением одних ценностей в жертву другим.

Сильное горе вызвали ситуации 1, 8, 9, 16, общим в которых является, по-видимому, бессилие перед тяжёлыми обстоятельствами. Наибольшим отчаянием охарактеризовали респонденты ситуации предательства общественных интересов в угоду семейным (ситуации 14, 15). Заслуживает пристального внимания то, что больше всего радости респонденты приписали людям, оказывающим финансовую поддержку националистической организации (вопрос № 5), а больше всего страданий – дезертиру, не надеющемуся на заботу государства о его оставшейся в тылу семье (вопрос № 14).

Эти результаты являются настораживающими, так как, в свете доводов М.В. Гладких [2], характеристика агрессивных противоправных действий как *радостных* может рассматриваться как свидетельство наличия у респондентов осознаваемого или неосознаваемого стремления к таким же действиям. Учитывая, что, с одной стороны, наиболее позитивные эмоциональные оценки получило поведение людей в ситуациях №№ 5, 6, 7, во всех случаях преследуемое по статье 282 УК РФ согласно действующему законодательству, а с другой – что вопросы социальных, национальных и религиозных конфликтов порождают умеренные (меньше средних) противоречия, можно сделать вывод, что правосознание российской молодёжи характеризуется мощной, довольно целостной (т. е. содержащей относительно мало внутренних противоречий) установкой на одобрение действий, предусмотренных данной статьёй. Кроме того, то, что респонденты считают исполненными горя ситуации популярного ныне «откоса от армии» и неправого решения «жилищного вопроса» (что идёт вразрез с активно пропагандируемыми СМИ с 1980-х гг. ценностями индивидуализма), находится в согласии со взглядами Л.А. Тихомирова [8] и Г. Лебона [5] об инертности традиционного правосознания народов и маловероятности его быстрой модернизации внешними средствами. Таким образом, выдвинутое нами [9] положение о том, что российская молодёжь оценивает позитивное право как мало соответствующее ест-

венному праву и потому на практике предпочитает поступать по естественному праву, не «по праву», – а «по правде», подтверждается.

Тем не менее налицо большой объём противоречий между ценностными шкалами, который, скорее всего, вызван «недомодернизацией» сознания россиян. То есть привить российской молодёжи современные западные ценности так пока и не удалось, но исказить и деформировать отражение в правосознании традиционных ценностей – удалось. Эта деформация нашла своё проявление на четырёх уровнях правосознания (согласно распределению *R*) и, судя по историческому контексту, имеет тенденцию к уменьшению.

Наличие среди респондентов большого количества как мужчин – 78,5 % (373 человека), так и женщин – 21,5 % респондентов (102 человека), позволяет провести сопоставление данных, полученных в ходе социологического опроса по гендерному признаку. В ходе рассмотрения гендерных аспектов полученной по респондентам статистики, выявлены некоторые интересные закономерности. Привлекает сам факт такого массового присутствия женщин на столь далёком от традиционных сфер интересов женской части молодёжи мероприятии, как беспорядки на Манежной площади; заставляет задуматься о серьёзности происходящих процессов в молодёжном правосознании. Женщины приписывали персонажам модельных ситуаций гораздо более сильные эмоции. Слева (а) приведена гистограмма частотного распределения вычисленного нами параметра *P* (см. выше) интегральной оценки эмоционального состояния персонажа из предложенной ситуации по мужской выборке, справа (б) – по женской (рис. 5).

Согласно результатам, с большим отрывом в мужской выборке лидирует оценка поведения персонажа хладнокровного, без особенных положительных или отрицательных переживаний. В женской выборке выделяются два мощных пика по краям шкалы, соответствующих максимальным оценкам положительных или отрицательных эмоций. Примечательно расщепление центрального

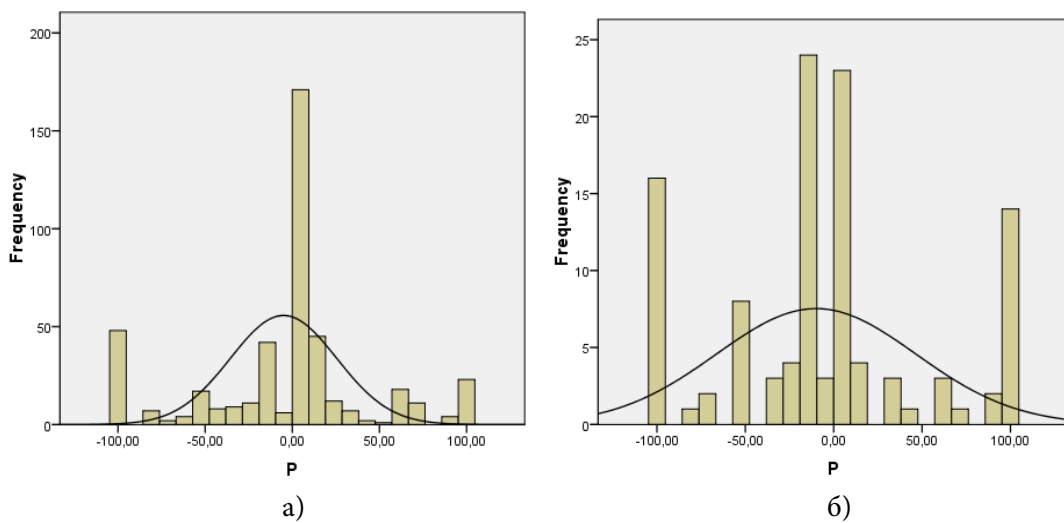

Рис. 5. Гендерные отличия частотного распределения P

пика на два, что означает: женщины предпочитают всё же приписать слабую положительную или отрицательную эмоцию в тех случаях, когда мужчины приписывают персонажам отсутствие эмоций. Таким образом, женская часть респондентов воспринимала предложенные ситуации как гораздо более эмоционально напряжённые.

Если рассмотреть распределение мужских и женских оценок эмоционального состояния в разрезе конкретных вопросов анкеты, выясняется следующее:

Средняя оценка эмоционально-психологического состояния персонажа, данная мужчинами, показана тёмно-серым цветом, данная женщинами – светло-серым. По мно-

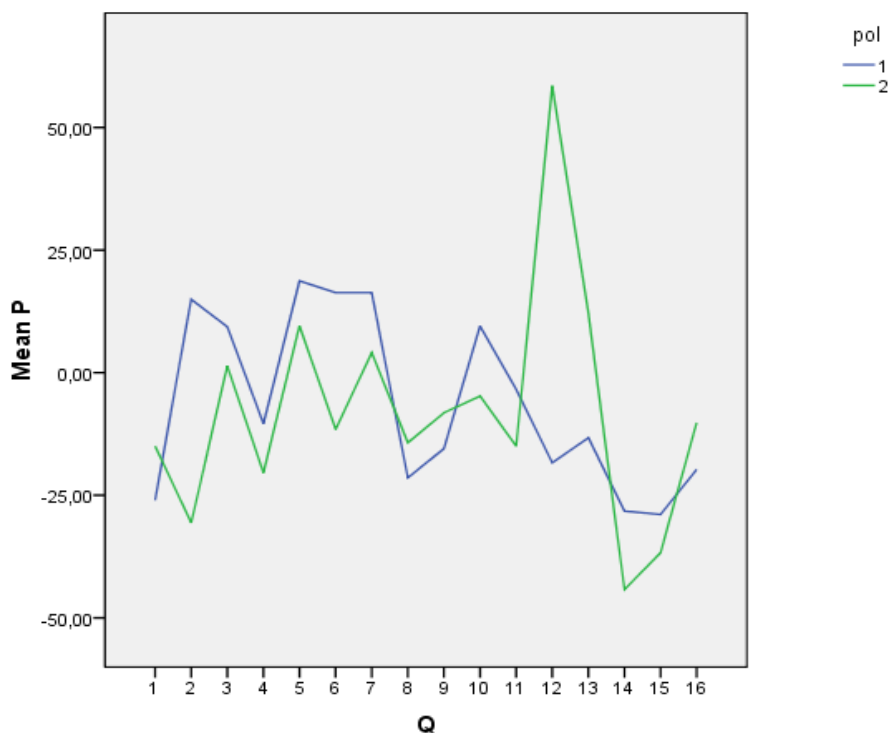

Рис. 6. Распределение мужских и женских оценок эмоционального состояния в разрезе конкретных вопросов анкеты

гим вопросам они в целом совпадают, кроме некоторых, явно выделяющихся:

1. *Оценка противоправного поведения женщин.* В вопросах № 3 (интернет-пиратство) и № 7 (антиправительственное граффити) мужчины приписывали женщинам радость, в то время как женщины приписывали им в среднем равнодушие или хладнокровие.

2. *Оценка вопросов, связанных с заботой о семье* (вопросы №№ 4, 14, 15): женщины приписывали человеку, попирающему общественные интересы ради семейных, больше страданий, чем мужчины. Возможно, это связано с тем, что женщины, для которых, по природе, является эмоционально значимой тема семейного очага, проявляют меньше осуждения и больше сострадания к персонажам упомянутых вопросов, чем мужчины.

3. *Оценка аморального поведения женщин, не связанного с заботой о семье* (вопросы №№ 12, 13). Здесь мужчины были склонны переоценивать правосознание женщин, приписывая им страдания, видимо, нравственного порядка, тогда как женщины оценивали состояние этих женщин как радостное.

4. *Ситуации открытого конфликта с врагом.* В вопросах № 1 (беспомощность перед врагом) и № 16 (амнистия) женщины приписали персонажам меньшие страдания, чем мужчины. Зато в ситуации № 2 (убийство

врага) женщины оценили главного героя как страдальца, а мужчины приписали ему радость. Опять же, это вполне согласуется с общепринятыми представлениями гендерной психологии и полоролевым распределением мужчины как защитника, а женщины – как матери и хранительницы очага, по природе менее склонной к насилию и более – к терпению и прощению.

Приведённые ниже диаграммы (рис. 7) показывают отношение мужской (тёмно-серые графики) и женской (светло-серые графики) групп к основным, выявленным в ходе социологического опроса, противоречиям: «любовь – справедливость» (слева) и «христианство – справедливость» (справа) – в разрезе вопросов анкеты.

Можно наблюдать, что женщинам свойственна на обоих графиках большая амплитуда колебаний коэффициентов разрыва от вопроса к вопросу. Особенно это заметно на графике «христианство – справедливость» (справа): пики и впадины по мужской и женской выборкам практически совпадают, но интенсивность их разная. Вероятно, это связано с более осторожной и умеренной манерой мужчин оценивать поведение и, наоборот, импульсивной манерой женщин к выбору крайних значений шкал по принципу «всё или ничего».

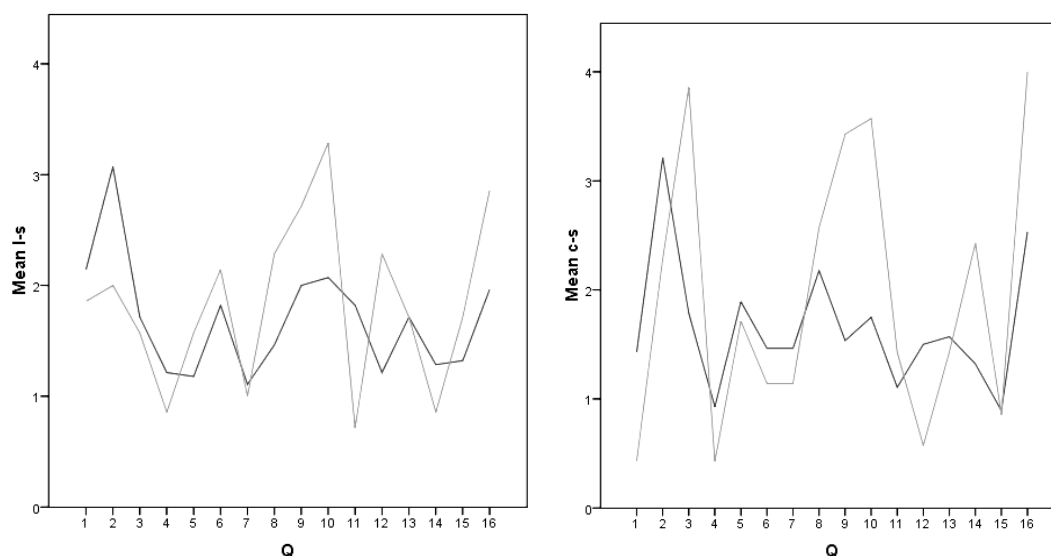

Рис. 7. Гендерные отличия отношения к основным противоречиям

Хотя мы и не имеем возможности проведения сравнительных исследований с 1990-х гг., непосредственное наблюдение свидетельствует о росте правовой культуры как минимум в бытовом отношении. Это можно связать с постепенным сглаживанием противоречий в оценках бытовых действий по религиозной, социальной и национальной шкалам, вызванным постепенным ростом духовной, правовой и социальной культуры россиян, уже ставших более разборчивыми при выборе поведения, чем в 1990-е и 2000-е гг. Можно предположить взаимосвязь роста правового интереса с демократизацией общества, с обеспечением свободного доступа россиян к литературным и социальным источникам, способствующим устранению противоречий в работе мировоззренческой функции правосознания. Для молодёжи эту роль во многом играют современные средства коммуникации, в особенности сеть *Интернет*, предлагающая сегодня правовую, религиозную и политическую информацию самого разного характера.

В этой связи выступление на Манежной площади может знаменовать собой второй этап устранения противоречий в правосознании молодых россиян. Если первый этап был не слишком заметен в силу своей природы – упорядочения представлений о нормах бытового поведения, то второй этап по своей природе общесоциален, так как, согласно выявленной нами иерархии противоречий, затрагивает национальный вопрос, патриотизм, социальную справедливость. В статьях, книгах, обсуждениях, разговорах российская молодёжь, так же, как и другие части социума, постепенно выправляет имеющие место противоречия правосознания. Признаваемое «правым» решение того или иного вопроса тиражируется, признаваемое не сразу, и зачастую в результате полемики отвергается, как «неправое». Возможно, российская молодёжь приближается к целостному восприятию национальных и социальных вопросов, что, согласно нашему предположению, и должно выливаться в переход от пассивности к активности, от беспомощности в

сличении естественного и позитивного права [3] – к требованию изменения позитивного права в сторону большего соответствия естественному, или, по О.Г. Щедрину [10], от «покорности праву» – к «борьбе за право». В то же время, наше теоретическое построение служит основой и для позитивных выводов. Более деформированные и поэтому играющие пока пассивную роль аспекты правосознания – беспомощность перед *неправым* правом и легитимность уничтожения врага – сдерживают массовые активные проявления молодёжи в этих сферах, какие бы сильные индивидуальные переживания не вызывались этими противоречиями. По-видимому, осознание российской молодёжью своего права на борьбу с неправомерным «правом» является предметом следующего этапа развития правосознания молодёжи. До того молодёжь, вероятно, будет иметь тенденцию по-прежнему искать спасения от ошибок позитивного права не в утверждении естественного права, а в противоправных действиях, то есть, по И.А. Ильину, – в преступном правосознании. Нельзя забывать: молодёжь в любом обществе – индикатор его выживания и развития: «общество будет завтра таким, какова сегодня молодёжь» [4]. Ещё более противоречиво в правосознании современной российской молодёжи представление о легитимности насилия над врагом. Пока духовный и культурный рост российского общества не приведёт к формированию непротиворечивого в этом отношении правосознания, можно предположить, что беспорядки и хулиганство не перерастут в масштабные конфликты, с применением вооружения и военной техники. Постепенная эволюция правовой ситуации в государстве к тому времени сделает эти конфликты излишними, и целостное правосознание будущей российской молодёжи будет направлено на защиту позитивного права в той мере, в которой оно соответствует естественному.

Российская молодёжь оценивает позитивное право как мало соответствующее естественному праву и потому на практике предпочитает поступать по естественному праву, не

«по праву», а «по правде». Источники естественного права, традиционные для России (религиозные, национальные и социальные) не разрушены, а и в настоящее время продолжают оказывать существенное влияние на мировоззренческую функцию правосознания российской молодёжи. Однако эти чувства существенно искажены, что приводит к противоречивым оценкам явлений правовой действительности и, соответственно, к противоречивым требованиям к поведению в регулятивной функции её правосознания. Такая ситуация приводит к невозможности поступать «по правде», в любом варианте, обуславливает самую низкую стадию правосознания – покорность праву как чуждой, довлеющей извне силе. Появление всё более активных форм борьбы российской молодёжи за право обусловлено тем, что восприятие естественного права правосознанием российской молодёжи становится более целостным, и, соответственно, уменьшается противоречивость выполнения оценочной функции, что ведёт к более уверенной и активной реализации его регулятивной функции, или, по терминологии О.Г. Щедрина [10], меняется стадия правосознания – от покорности праву к борьбе за право.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большой энциклопедический словарь / Ред. И. Лапина, Е. Маталина, Р. Секачев, Е. Троицкая, Л. Хайбулина, Н. Ярина. М.: АСТ, 2000. 1247 с.
2. Гладких М.В. Понятие индивидуального правосознания в свете психоаналитической теории: Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь: СГУ, 2004. 181 с.
3. Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. 235 с.
4. Каландришвили З.Н. Деформация правового сознания молодёжи и юридические способы ее преодоления: Теоретико-правовой аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2004. 202 с.
5. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический проект, 2011. 238 с.
6. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск: Книжный Дом, 2003. 1312 с.
7. Стратегия государственной молодёжной политики в Российской Федерации, утверждённая распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 года N 1760-р. [Электронный ресурс]. URL: http://www.molodost.ru/upload/file/23_11_09/507.doc (дата обращения: 28.11.2011).
8. Тихомиров Л.А. Что такое Отечество? / Работа зачитана 3 апреля 1907 года в Историческом музее, 1907. [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriotica.ru/religion/tikh_rodina.html (дата обращения: 28.11.2011).
9. Трифонов Н.А. Девиантность молодежи в ракурсе взглядов Л.А. Тихомирова на правосознание россиян / Социология. №3. 2011. М.: МГУ. С. 237-250.
10. Щедрин О.Г. Этнические особенности русского правосознания: Дис. ... канд. юридич. наук. Ростов-на-Дону: РГУПС, 2004. 201 с.